

Мирья Кемпинен
Финляндия

Предпосылки и проблемы написания ингерманландского эпоса

Появлением собственных эпосов, эпических поэм, возведенных в ранг национального эпоса, обязаны «Калевале» и создавшему ее Элиасу Леннроту многие народы. Классическими примерами подобных произведений являются «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло и «Калевипоэг» Фридриха Рейнхольда Крейцвальда.

В конце 2009 г. увидел свет эпос «Дети Мон и Мана», написанный Буй Виет Хоа по мотивам собранного ею во Вьетнаме фольклорного материала. Важная роль в создании этого произведения принадлежала председателю фонда «Юминкеко» Маркку Ниеминену — инициатору и вдохновителю создания вьетнамского эпоса.

Идея написания мною ингерманландского эпоса была высказана Маркку Ниеминену около трех лет назад во время нашей поездки в Беломорскую Карелию. Предложив мне взяться за это дело, Маркку Ниеминен подчеркнул значимость такого эпоса для ингерманландского народа, представителем которого я являюсь.

Идея показалась заманчивой, хотя сразу же возникли определенные сомнения, не оставляющие меня до сих пор.

Несколько слов о том, что же такое Ингерманландия и кто такие ингерманландцы. Ингерманландия, которую называют по-русски также Ингрией, а прежде именовали и Ижорой или Ижорской землей, — это историческая территория площадью около 15 тыс. кв. км, расположенная в западной части нынешней Ленинградской обл. Границы Ингерманландии и соответственно ее площадь менялись в течение столетий, однако ныне под Ингерманландией чаще всего подразумевают территорию 32 существовавших до тридцатых годов XX в. финских лютеранских приходов. Наилучшее представление о границах Ингерманландии дает привязывание их к рекам: на западе это Нарва, отделяющая ее от Эстонии, на северо-западе р. Сестра, на юго-востоке граница проходит по р. Луге, а на востоке — по Мге. Географически обычно выделяются Северная Ингерманландия, расположенная к северу от р. Невы, а также Восточная, Средняя и Западная

Ингерманландия, располагающиеся к югу от Невы между Ладожским озером и р. Нарвой.

Территория Ингерманландии была издревле, по некоторым данным уже с первых веков нашей эры, заселена прибалтийско-финскими племенами. Народность водь впервые упоминается в древнерусских источниках в начале второго тысячелетия, в 1069 г., однако, уже в «Повести временных лет» говорится о чудии, которая принимала участие в становлении древнерусского государства; вполне вероятно, что под чудью в ней подразумевается именно водь. О значимости воды в то историческое время свидетельствует и то, что одна из пятин Новгородской земли именовалась Водской (Вотской, Вотьской) пятиной. На момент переписи 2002 г. води осталось менее 80 человек, из которых только около 30 человек владеют родным языком. Компактно водь проживает только в двух деревнях Кингисеппского р-на Ленинградской обл. — Краколье (Jõgiperä) и Лужицах (Luutsa). Неподалеку от этих деревень строится сейчас Усть-Лужский порт, который должен стать крупнейшим в России. План развития порта подразумевает снос первой деревни, а вторая окажется в промзоне.

Позже, вероятно, в начале прошлого тысячелетия, на территории Ингерманландии появились ижорцы — народ, этнически чрезвычайно близкий к карелам, вплоть до того, что ижорцы сами называли себя карелами. Именно у ижорцев лучше и дольше всего в Ингерманландии сохранялась древняя «калевальская» песенная традиция. По данным переписи 2002 г. ижорцев осталось чуть более 300 человек. Как и для воды, серьезную угрозу для ижоры в настоящее время представляет строительство портов.

Третий прибалтийско-финский народ, населявший Ингерманландию, — ингерманландские финны. Они переселились туда гораздо позже, в основном после Столбовского мира 1617 г., когда территория Ингерманландии отошла Швеции. Ингерманландские финны тоже не были однородной этнической группой, однако к настоящему времени отличия между различными этническими группами ингерманландцев — эвремейсами, савакко и прочими — стерлись и не являются актуальными. Ингерманландские финны, в отличие от ижорцев и воды, были лютеранами, что существенным образом повлияло на то, что древняя эпическая традиция сохранилась в их среде на момент ее записи гораздо хуже, чем у православных ижорцев и воды. На данный момент ингерманландцев насчи-

тывается несколько десятков тысяч человек, а территория их проживания простирается от Сибири до Швеции. Наиболее активная деятельность по поддержанию ингерманландской культуры и самосознания ведется силами общественных организаций и лютеранских приходов в Республике Карелия, Ленинградской области, Эстонии, Финляндии и Швеции [Hakamies 1991, Kirkinen 1991, Leskinen 1995, Saloheimo 1991, Sihvo 1991, Suhonen 1989].

С точки зрения написания эпоса для меня не имеет значения, от представителя какого народа записан тот или иной материал на территории Ингерманландии. Тем более что практически все руны и песни представлены или, можно полагать, что могли быть предствлены в тождественных или схожих вариантах у всех этих народностей. Ижорский язык и язык ингерманландских диалектов близки настолько, что в принципе нет никакой разницы, ижорский это текст или ингерманландский. Водский язык несколько более труден для понимания из-за его особенностей, тяготения к эстонскому языку, но это не является препятствием для использования текстов на водском языке.

Богатство фольклорной, в том числе и эпической традиции Ингерманландии не оставляет сомнений в возможности написания эпоса. Девять толстых томов 33-томного издания «Древние руны финского народа» — это только изданная часть всей поэзии калевальской метрики, которая была собрана на территории Ингерманландии. Существуют также и другие издания, из числа которых стоит упомянуть сборник «Народные песни Ингерманландии» под редакцией Эйно Киуру, Тертту Коски и Элины Кюльмясу, изданный в 1974 г., и выпущенную в 1990 г. ИЯЛИ Карельского филиала Академии наук СССР антологию «Ингерманландская эпическая поэзия», составленную Эйно Киуру.

Проблема сбора материала для эпоса, что являлось важной частью работы как для Элиаса Леннрота, так и для Буй Виет Хоа, в данном случае полностью отсутствует. И связано это не столько с тем, что уже собранного материала предостаточно, а прежде всего с тем, что собирать больше нечего — эпическая традиция в Ингерманландии окончательно угасла в 80-х гг. XX в.

Сомнение может вызывать сама целесообразность создания такового эпоса. Ингерманландская эпика уже стала достоянием мировой культуры, поскольку Элиасом Леннротом был использован в «Калевале» сюжет о Куллерво — полностью заимствованный им из

Ингерманландии. Однако история Куллерво – только один из множества интереснейших сюжетов, имеющих в ингерманландской народной поэзии.

В 2006 г. вышло в свет произведение Арво Сурво «Suur-Syntu Kiesus», созданное на основе ингерманландского фольклора, которое сам автор именуется апокрифом [Survo 2006]. По сути, это поэма об установлении христианства на территории Ингерманландии в среде проживавших там народов, которых Сурво именуется обобщающим термином «корпиканса», т. е. лесной, дикий народ. Выбор Арво Сурво тематики своего произведения не случаен и не неожидан. Арво Сурво – известный и уважаемый всеми ингерманландцами пастор, проповедник-миссионер, которому дважды предлагали стать епископом Церкви Ингрии.

Творение Арво Сурво представляет собой чрезвычайно интересный опыт написания такого произведения, доказывающий, однако, насколько трудно создать связное повествование из разрозненных текстов народных песен, несмотря на то, что часть из них и объединена апокрифичной тематикой.

Что же касается моего эпоса, то я выбрала совершенно иное направление, которое, однако, полностью согласуется, на мой взгляд, с особенностями ингерманландской народной поэзии. Как известно, ингерманландская эпическая поэзия имеет существенные различия с карельской, которая легла в основу «Калевалы». Важнейшим из них является утрата мифологического понимания описываемых в рунах событий и тяготеющая к лирической интерпретация мифических сюжетов. «Если в Карелии бытовали в основном мифологические руны и героические песни, то в Ингерманландии и на Карельском перешейке – преимущественно баллады и лиро-эпические песни» [Киуру 1990: 22].

Как известно, лирика, в отличие от эпики, – женский вид фольклора. Ингерманландская народная поэзия – это прежде всего женская поэзия, исполнительницами ее были в основном женщины, в том числе и известная сказительница Ларин Параске. Ингерманландская поэзия коренным образом отличается от северно-карельских рун, которые были «мужскими» и по содержанию, и по исполнителям. Поэтому неудивительно, что многие эпические сюжеты рассказываются в Ингерманландии от женского лица, и женщина, девушка, лирическое эго исполнительницы оказывается в них важным действующим лицом.

В подтверждение двух указанных тезисов приведу сюжет о Большом дубе. В «Калевале» он представлен так: Вяйнямейнен выходит на безлесую сушу и отправляет Сампсу Пеллервойнена засеивать землю деревьями. Дуб после некоторых трудностей прорастает и заслоняет собой луну и солнце. Маленький мужичок выходит из моря и валит дуб. Солнце и луна снова сияют на небосводе [Леннрот 1998].

В ингерманландской версии той же руны дуб вырастает после того, как девушка, лирическое эго исполнительницы, выливает пеллу от пива рядом с родительским домом. Проблема, спровоцированная этим образом, также имеет свои нюансы: «Не пройти мне под ветвями, в сучьях дуба не пробраться», сетует исполнительница. Позже она, правда, вскользь упоминает брату, что дерево заслонило солнце и луну. Чтобы выйти из этой ситуации, девушка отправляется искать брата, находит его, приводит домой, брат срубает дуб и делает из него различную утварь, а также строит баню для своей сестры [Народные песни 1974].

Мы наблюдаем явную рационализацию мифа и даже доведение его до пародийности. К тому же вся руна прямо-таки пронизана действиями исполнительницы, ее лирического эго.

Особый отпечаток на ингерманландскую поэзию наложила история Ингерманландии — бесчисленные войны и рекрутство, а также крепостное право. Часто эти тяжелые для жизни народа события тоже описываются через страдания женщин: матерей, сестер, жен. Во многих рунах рассказывается о женской доле, бесправном положении женщины в семье.

Нужно признать, однако, что многие сюжеты представлены от первого лица, усложняет соединение их в единое произведение. Поэтому в некоторых случаях придется, видимо, вносить в руны изменения, меняя первое лицо на третье.

Учитывая все выше сказанное, ингерманландский эпос видится мне женским эпосом, повествованием от имени женщины. Нельзя не упомянуть и название этой земли — Ингрия, «Инкери», тоже женское.

Помимо вопросов содержания, автору придется решать проблему единого языка поэмы. Эпический фольклор Ингерманландии, как уже упоминалось, записан на нескольких языках и диалектах, часть которых уже может считаться утраченными, а остальные находятся на грани вымирания. Несмотря на близость говоров, диалектная пестрота в тексте, как мне кажется, будет мешать читателю.

И еще одна проблема: сделать так, чтобы текст произведения, не утратив колоритности языков и диалектов Ингерманландии, был понятен, прежде всего, конечно, финноязычному читателю.

В заключение не могу не вернуться к вопросу о значении эпоса для ингерманландских финнов, а вместе с ними для ижорцев и води. Если мне удастся написать это произведение, то это будет памятник былому величию ингерманландской народной поэзии, былой красоте и богатству ингерманландских диалектов, дань уважения своим корням, своим предкам, своему многострадальному народу. Надеюсь, что так же его воспримут и мои соплеменники, и другие читатели. К сожалению, не приходится надеяться, что появление ингерманландского эпоса приведет к сколь-либо значимому подъему национального самосознания, способному остановить или даже приостановить исчезновение этих народов, их языка и культуры.

Литература

Киуру 1990 – Киуру Э. С. Ингерманландская эпическая поэзия. Петрозаводск, 1990.

Леннрот – Леннрот Элиас. Калевала (пер. Э. Киуру и А. Мишина). Петрозаводск, 1998.

Народные песни 1974 – Народные песни Ингерманландии / Изд. подг. Э. Киуру, Т. Коски и Э. Кюльмясу. Л., 1974.

Hakamies 1991 – Hakamies, Pekka. Inkeri monietnisenä alueena // Inkeri: historia, kansa ja kulttuuri. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. Pieksämäki, 1991. S. 197–205.

Kirkinen 1991 – Kirkinen, Heikki. Inkerin keskiaika ja uuden ajan alku vuoteen 1917 // Inkeri: historia, kansa ja kulttuuri. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. Pieksämäki, 1991. S. 35–67.

Leskinen 1995 – Leskinen, Heikki. Inkerin asutus ja väestöryhmät // Itämerensuomalaiset. Heimokansojen historiaa ja kohtaloita. Toim. Mauno Jokipii. Jyväskylä, 1995. S. 185–211.

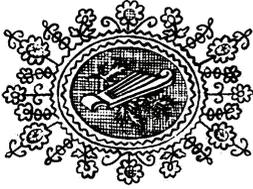
Saloheimo 1991 – Saloheimo, Veijo. Inkerinmaan asutus ja väestö 1618–1700 // Inkeri: historia, kansa ja kulttuuri. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. Pieksämäki, 1991. S. 67–83.

Sihvo 1991 – Sihvo, Pirkko, Savakoita. äyrämöisiä ja inkerikoita // Inkeri: historia, kansa ja kulttuuri. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. Pieksämäki, 1991. S. 179–197.

SKVR

Suhonen 1989 – Suhonen, Seppo. Keitä ovat inkeriläiset // Kieliposti. 1989. N 1. S. 20–22.

Survo 2006 – Survo, Arvo. Suur-Synty Kiesus. Tampere, 2006.

Роберт Коломайнен
Петрозаводск

**«Калевала» в контексте
мировой литературы**

Охарактеризовать «Калевалу» в контексте мировой литературы — значит показать, какие идейно-художественные факторы и творческие практики, закономерные для литератур разных стран, вызвали к жизни великий эпос. Они определили его художественный облик и повлияли на его активное восприятие и интерпретацию многими поколениями читателей и литераторов вплоть до наших дней. Ведь «Калевала» отнюдь не осталась литературным памятником трех десятилетий XIX в., на протяжении которых в творческом сознании Элиаса Леннрота выкристаллизовывались пять версий эпоса.

Прежде чем начать с генетического аспекта темы, уясним природу «Калевалы» с точки зрения поэтики. «Калевала» — это лиро-эпическая поэма Элиаса Леннрота, созданная им на основе фольклорного материала — финского и карельского — самых разных жанров. Именно проникновенный лиризм отличает «Калевалу» от других великих мировых эпосов. Он же становится камнем преткновения для тех исследователей, для которых первостепенна «чистота» эпического стиля.

Эпос «Калевала» родился в лоне европейской литературы, в идейной и художественной атмосфере, сформированной эпохой романтизма в истории западной литературы. Именно романтизм исторически определил художественную идеологию, необходимую для создания эпоса такого рода, как «Калевала». Национальная идея романтиков, их понимание народного характера и взгляд на поэзию как глубокое выражение души народа были восприняты Леннротом. Он разделял и представление романтиков об исключительной важности исторического бытия народа.

Творческая позиция автора «Калевалы» формировалась и под эстетическим воздействием таких шедевров мировой литературы, как «Илиада» и «Одиссея». Он разделял теорию немецкого ученого Ф. А. Вольфа о происхождении древнегреческих эпосов. Вольф считал, что некий оставшийся неизвестным грамотный афинянин записал эти эпосы в шестом веке до нашей эры, скомпоновав их из песен, бытовавших в устном исполнении. Леннрот решил поступить так же и создать эпос на основе финского и карельского фольклора.